

Общественно-политическая активность жителей Свердловской области: характеристика и барьеры расширения

Дарья Вячеславовна Минченко^{1✉}, Наталья Николаевна Гурченко²

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

² Департамент внутренней политики Свердловской области, Екатеринбург, Россия
Контакт для переписки: d.v.minchenko@urfu.ru✉

Аннотация. Общественно-политическая активность населения традиционно рассматривается в русле концепта гражданского участия, включая его социальные и политические практики. Однако при условии расширения возможностей для граждан участвовать в общественно-политической жизни своего города, региона или страны формы такой активности четко не идентифицируются населением и не находят отражения в официальных документах. Исследование общественно-политической активности населения крупного промышленно развитого региона России обогащает научные представления об участии населения в практиках общественно-политической сферы и его барьерах. Цель данной статьи — дать характеристику общественно-политической активности жителей Свердловской области, определив ее структуру и содержание, выявив препятствия для ее расширения. Эмпирическое исследование основано на методологии межрегиональной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» Н. И. Лапина. В основе работы результаты анкетирования жителей Свердловской области в возрасте от 18 лет, проведенного в 2023 г. (выборочная совокупность целевая, квотная, ошибка выборки менее 3%, n = 635). По итогам анализа собранных данных был охарактеризован уровень общественно-политической активности уральцев. Среди форм такой активности шире всего представлены участие в выборах, в коллективном благоустройстве территорий и благотворительности, а меньше всего проявляется участие населения в деятельности общественных организаций. В региональной столице эта форма участия менее характерна для горожан, чем для населения средних и малых населенных пунктов. Среди барьеров общественного участия

были идентифицированы три группы, непосредственно ограничивающие взаимодействие населения с органами публичной власти. В качестве серьезного препятствия общественно-политического участия граждан в возрасте от 18 до 34 лет выявлены их страхи в отношении публичного наказания за общественно-политическую активность.

Ключевые слова: гражданское общество, общественно-политическая активность, гражданское участие, формы участия, барьеры общественно-политической активности, развитие территорий, взаимодействие власти и общества

Цитирование: Минченко Д. В., Гурченко Н. Н. 2025. Общественно-политическая активность жителей Свердловской области: характеристика и барьеры расширения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 11. № 1 (41). С. 20–35. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-1-20-35>

Поступила 05.11.2024; одобрена 02.12.2024; принята 10.02.2025

Public and political activities in the Sverdlovsk region: characteristics and barriers of increasing

Daria V. Minchenko^{1✉}, Natalia N. Gurchenok²

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

² Department of Internal Policy of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia

Corresponding author: d.v.minchenko@urfu.ru[✉]

Abstract. The public and political activity of the population attracts the attention of leading researchers in the fields of sociology, political science, law, economics, and management. Such activity is traditionally addressed in line with the concept of civic participation, including its social and political practices. However, the population does not clearly identify the forms of participation in the public or political life of their city, region, or country, despite the expansion of such opportunities for citizens. These forms are also not enshrined in official documents. The study of public and political activity of the population of a large industrial region of Russia develops scientific representations about the participation of the population in the practices of the public and political sphere and its obstacles. The purpose of this article is to characterize the public and political activity of the residents of the Sverdlovsk region, defining its structure and content and identifying obstacles to its expansion. The empirical study is based on the methodology of the interregional program *Problems of Socio-cultural Evolution of Russia and Its Regions* by N. I. Lapin. This paper is based on

the results of a survey of residents of the Sverdlovsk region aged 18 years and older (purposive and quota sampling; sampling error less than 3%, $n = 635$). The level of public and political activity of the Urals was characterized in this article. Among the forms of such activities, participation in elections, collective improvement of territories, and charity are most widely represented. The research shows that participation in public organizations is less common. In the regional capital, this form of participation is less characteristic than that of the population of medium and small settlements. Among the barriers to public participation, three groups were identified that directly limit the interaction of the population with public authorities. As a serious obstacle to public-political participation of citizens aged 18 to 34 years, their fears of public punishment for public-political activity were identified.

Keywords: civil society, public-political activity, civic participation, forms of participation, obstacles to public-political activity, development of territories, interaction between the state and society

Citation: Minchenko, D. V., & Gurchenok, N. N. (2025). Public and political activities in the Sverdlovsk region: characteristics and barriers of increasing. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 11(1), 20–35. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-1-20-35>

Received Nov. 5, 2024; Reviewed Dec. 2, 2024; Accepted Feb. 10, 2025

Введение

По данным Индекса демократии (Democracy Index), в 2023 г. Россия вошла в число государств, в пределах которых политический плюрализм трактуется как ограниченный, политическая культура находится в стагнации, а режим правления тяготеет к авторитарным формам¹. Однако, несмотря на данные британского аналитического центра (Economist Intelligence Unit), сегодня большинство жителей нашей страны (82%) заявляют о своей субъектности в преодолении социально значимых противоречий². Интеграция ресурсов гражданского общества в деятельность органов публичной власти рассматривается населением в качестве необходимого фактора достижения общественного развития. В последние годы возрастает и уровень заинтересованности россиян в событиях политической сферы³. Фиксируется стабильная электоральная активность: регулярно

¹ Democracy Index, 2023 // Our World in Data. <https://ourworldindata.org/grapher/democracy-index-eiu?country=ARG~AUS~BWA~CHN~RUS> (дата обращения: 20.10.2024).

² Более 80% россиян выступают за партнерство граждан и государства в решении социальных задач // Аналитический центр НАФИ. <https://nafi.ru/analytics/bole-80-rossiyan-vystupayut-za-partnerstvo-grazhdan-i-gosudarstva-v-reshenii-sotsialnykh-zadach/?ysclid=m2wvnd6pcc672772096> (дата обращения: 20.10.2024).

³ Участие молодежи в политической жизни страны // ФОМ. <https://fom.ru/Politika/14842> (дата обращения: 20.10.2024).

голосуют или стараются это делать 61% граждан РФ при условии, что две трети жителей государства (67%) склонны верить в честное проведение выборов в своем регионе¹.

Свердловскую область принято рассматривать в качестве субъекта-лидера Уральского федерального округа по степени вовлеченности населения в общественную повестку. Публичными институтами Среднего Урала предпринимаются усилия для наращивания потенциала общественной активности и выражения гражданской позиции: развивается добровольчество через организацию и проведение волонтерских мероприятий и поддержку добровольческих центров; осуществляется постоянное содействие деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций; проводятся экспертные сессии и форумы по вопросам расширения возможностей участия гражданского общества в решении социально значимых проблем; поощряется работа институтов общественного контроля; софинансируются общественно полезные инициативы². Сегодня академическим сообществом обозначен вектор на развитие диалога между институтами власти и населением для расширения форм участия граждан в принятии управленческих решений, социокультурного развития городской среды [Нотман, 2022]. Однако тема участия уральцев в общественно-политической жизни в стратегических документах региона не раскрывается, часто ограничиваясь реализацией избирательных прав.

Цель данной статьи — дать характеристику общественно-политической активности жителей Свердловской области, определив ее структуру и содержание, выявив препятствия для ее расширения.

Обзор литературы

Изучение возможностей и перспектив участия граждан в жизни государства и общества начало развиваться в XX в. с появлением первых концепций, предусматривающих вовлеченность населения в проектирование курса развития страны. Учеными была зафиксирована социальная природа участия во всех его проявлениях, позволяющая достигнуть консенсуса между потребностями общества и запросами органов власти и управления [Verba, Nie, 1987, с. 16]. К аналогичным выводам приходят современные исследователи, отмечая сведение сути рассматриваемого феномена к вовлечению граждан в различные практики для удовлетворения общественных нужд [Cornwall, 2008]. По своим характеристикам такая вовлеченность совпадает с гражданской активностью, отражающей актуальный социально-политический контекст [Парма, 2022, с. 43; Певная и др., 2024, с. 179].

Гражданскую активность группа уральских ученых предлагает трактовать как деятельность, которая направлена на решение общественно значимых проблем при участии граждан в осуществлении собственных инициатив или предлагаемых управленческими

¹ Выборы в России: участие, легитимность, доверие // ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie> (дата обращения: 20.10.2024).

² Доклад о состоянии гражданского общества общественной палаты Свердловской области в 2023 году // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. <https://www.pravo.gov66.ru/43149/> (дата обращения: 20.10.2024).

структурами проектов [Васильева и др., 2021, с. 68]. Разграничение таких практик происходит по политическому и социальному основаниям. В первую группу практик вошли конвенциональные и неконвенциональные формы: участие в проведении избирательных кампаний, членство в политических партиях и общественных движениях, политический блогинг, вовлеченность в акции протеста и митинги [Васильева и др., 2021, с. 69]. К группе социальных практик Е. И. Васильева, Т. Е. Зерчанинова и А. С. Никитина отнесли участие в благоустройстве городских пространств, благотворительность, поддержку забастовок, самоорганизацию в виде ТОС и ТСЖ. Последние формы гражданской активности представляют собой право участия локальных сообществ в осуществлении местного самоуправления, управления муниципальной политикой как реализации разных видов социальной власти под влиянием партиципаторной культуры [Гордеева, 2023, с. 96]. О готовности граждан к участию в процессах управления публичной политикой и формирования повестки дня сигнализирует их включенность в воплощение программ и мероприятий, идущих «снизу», направленных на реализацию интересов определенных местных сообществ или широких групп населения [Никовская, Якимец, 2024, с. 18].

Анализируемый тип активности в научной практике часто отождествляется с гражданским участием как способом интеграции институтов гражданского общества в деятельность не только государства, но и неправительственных организаций, объединений, ассоциаций [Akaeda, 2023]. В научной литературе под гражданским участием принято понимать процессы, при помощи которых члены общества могут влиять на реализуемые решения или контролировать тех, кто их принимает [Алмонд, Верба, 2014]. В некоторых источниках гражданское участие приравнивается к коллективным действиям, направленным на развитие гражданской идентичности с помощью вовлечения населения в процессы управления [Соорег и др., 2006, с. 76]. И. А. Скалабан [2011, с. 132] подчеркивает взаимосвязь гражданского участия с социальным и политическим. Социолог обобщает и конкретизирует формы такого участия, выделяя голосование, участие в политических кампаниях, самоуправление на местном уровне, обращение к политическим и государственным деятелям, членство в политических объединениях, добровольчество, вовлеченность в согласованные демонстрации, подписание петиций, участие в деятельности общественных организаций, включенность в общественную повестку через участие в социально значимых мероприятиях, фестивалях, акциях [Скалабан, 2011]. Западными исследователями практики гражданского участия подразделяются на традиционные и нетрадиционные, исходя из их содержания и направленности. Первые — традиционные — артикулируются как ориентированные на избирательную политику, они включают в себя участие в выборах, поддержку политических партий и движений, агитационную работу и содействие дебатам, предвыборным соревнованиям [Kwan, 2022]. Нетрадиционные формы, в свою очередь, подразумевают общественные протесты, обращения в органы власти, демонстрации, проявление активизма в цифровой среде [Kwan, 2022].

Изучение политического участия как разновидности гражданского приводит исследователей к дифференциации деятельностного, культурологического, инструментального,

социализационного подходов. Следовательно, критериями выделения последних являются мотивационные установки участия, взаимодействие с гражданским обществом, возможность ведения диалога между субъектами политической активности и возможность политической социализации и самореализации в процессе вовлечения в общественно-политические процессы [Дидковская и др., 2022, с. 27]. В партиципаторной модели демократии под политическим участием скрывается участие в митингах, демонстрациях, общественных слушаниях, вовлеченность в деятельность политически направленных объединений и работа на добровольных началах [Barber, 1995]. В общем смысле такое участие подразумевает интеграцию граждан в политический процесс, сопряженный с борьбой за власть и принятием управленческих решений. По своей сути оно является вертикальным, так как характеризует взаимодействие граждан с представителями публичной власти. В основе этого диалога — идеи социальной справедливости и демократии, которые отвечают запросу россиян на всеобщее равенство и наличие возможностей для участия в политической сфере жизнедеятельности общества [Петухов, 2020, с. 39].

В отличие от политического, социальное участие предусматривает горизонтальную групповую и коллективную деятельность. Оно может воплощаться в виде формальных и неформальных практик: добровольчество, решение городских проблем и защита интересов определенных социальных групп, культурная, спортивная и досуговая активность горожан, участие в деятельности инициативных сообществ, творческих и профессиональных объединений, НКО [Певная и др., 2020, с. 448].

Итак, общественно-политическая активность — это, в первую очередь, проактивная деятельность населения, базирующаяся на гражданском участии и реализуемая в разных практиках. Содержание такой проактивности может быть выстроено по принципу «власть — общество» или «общество — неправительственные объединения — общество» [Уханова, 2021, с. 91], индивидуальным (относительно простые действия и практики, которые гражданин может реализовать в одиночку) или коллективно организованным (членство в общественных и политических организациях, формы совместного с другими людьми участия) [Joshi, 2004]. Изучение предшествующих исследований показывает отсутствие универсальных и общепринятых классификаций форм такой деятельности. В связи с этим авторами формулируется ряд исследовательских вопросов: каково выражение участия населения крупного промышленного региона РФ в общественно-политической жизни? Насколько это участие формализовано? Какие препятствия обозначаются уральцами как барьеры для выражения своей гражданской позиции и вовлечения в устранение социально значимых проблем?

Материалы и методы

Статья основывается на результатах количественного опроса населения Свердловской области в возрасте от 18 лет, выполненного в октябре–ноябре 2023 г. (n = 635, ошибка выборки составила менее 3%, тип выборки — квотная)¹. Анкетирование реализовано

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621396 Российская Федерация. База данных социологического исследования «Социокультурный портрет насе-

в соответствии с методологией межрегиональной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», запущенной под руководством Н. И. Лапина [2009]. Цель очередной волны мониторингового исследования — рассмотреть проблемы консолидации населения в общероссийском и региональном контексте в новой ситуации международных санкций и изменений геополитических реалий, в которые включена современная Россия. Минимальная возрастная граница отбора респондентов обусловлена тем, что только по достижению совершеннолетия гражданин может в полной мере осознанно включаться в общественно-политическую жизнь по своему усмотрению, а именно участвовать в выборах, быть активистом общественных организаций и политических партий, подписывать петиции в органы власти и управления, быть волонтером, а также выступать в роли оппозиции с помощью поддержки согласованных митингов и демонстраций. Выборочная совокупность котируется по полу, возрасту и типу населенного пункта. Она включает 55% женщин и 45% мужчин. Каждый четвертый участник опроса (25%) — представитель молодого поколения в возрасте от 18 до 35 лет. 38% респондентов относятся к возрастной группе «35–54 года», еще 37% — к категории «55 лет и старше». Были получены ответы от жителей 72 населенных пунктов Среднего Урала. Практически каждый третий уралец (35%), принявший участие в анкетировании, проживает в региональном центре — г. Екатеринбурге. Местом жительства более половины опрошенных (51%) являются города Свердловской области, численность населения которых не превышает 500 тыс. чел. Остальные 14% респондентов относятся к сельскому населению. Собранные данные были обработаны в пакете IBM SPSS Statistics (версия 22) при помощи методов дескриптивной статистики.

На основании вышепредставленных подходов к определению общественно-политической активности с содержательной точки зрения были выделены две группы практик такого вида участия: социальные и политические. К социальным относятся те формы, которые направлены на развитие городской среды, а именно участие в благоустройстве территорий, благотворительность, включая добровольчество, вовлеченность в деятельность различных организаций общественной сферы. К спектру политически направленных практик относится участие в работе политических партий, голосование на выборах, проведение избирательной кампании, обращение в органы власти и управления, поддержка митингов, демонстраций, забастовок, а также самоорганизация граждан на местном уровне (ТСЖ, КТОС). Первая выделенная нами группа практик — горизонтальное участие, основанное на взаимодействии и сотрудничестве акторов, обладающих равноценным статусом. Вторая категория — вертикальное участие, предполагающее наличие во взаимодействии иерархических структур власти, что соответствует модели «принципал-агент».

ления Свердловской области как информационная основа политики в социальной сфере»: № 2024621098: заявл. 28.03.2024; опублик. 01.04.2024 / М. В. Певная, А. Н. Тарасова, А. В. Кульминская, Д. В. Минченко, Е. И. Початкова; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Результаты

По данным официальных отчетов, в регионе существует более 2 тыс. общественных объединений различной направленности. В общей структуре таких объединений лидируют религиозные организации, количество которых составляет более трети от общего числа общественных объединений. На втором месте оказались профсоюзы. Они традиционно занимают практически четверть от числа региональных организаций общественного сектора. На территории Свердловской области официально действуют еще около 2 500 иных некоммерческих организаций. Интересным фактом является то, что число областных зарегистрированных товариществ общественного самоуправления крайне мало и варьируется, по разным данным, в пределах 30–35 организаций. Среди всех существующих общественных объединений Среднего Урала наиболее активны волонтерские и добровольческие сообщества, вовлеченные в гуманитарные миссии, помогающие в достижении планомерного социального развития территорий.

Что касается организаций политической сферы, в Свердловской области зарегистрировано 22 региональных отделения политических партий. Наиболее массовыми из них являются областные отделения четырех партий — «Единая Россия», «КПРФ», «ЛДПР» и «Справедливая Россия — Патриоты — За правду», местные отделения которых образованы в большинстве муниципальных образований области. Кроме того, на территории региона осуществляет деятельность еще одна парламентская партия — региональное отделение политической партии «Новые люди». Активность таких отделений политических партий тесно связана с проведением выборов. При этом уровень участия общественности в электоральном блоке зависит от масштабов проходящих голосований. На федеральных выборах посещаемость варьируется от 40 до 70% и в среднем составляет 50%. На региональных и муниципальных выборах вариативность уровня участия несколько ниже и колеблется от 30 до 40%.

Чтобы определить опыт общественно-политической активности уральцев в течение последнего года, респондентам предлагалось ответить на вопрос: «В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать в прошедшем году?». С опытом такого участия оказались трое из четырех (76%) опрошенных (табл. 1).

Среди практик социального участия на первом месте оказалось коллективное благоустройство публичных пространств. Этот ответ выбрал практически каждый третий (30%) с опытом общественно-политической активности. Еще 46% жителей Среднего Урала, кто положительно ответил на заданный вопрос, предпочли вовлечение в филантропическую деятельность в течение последнего года: 28% собирали пожертвования и необходимые вещи для нуждающихся, 18% попробовали себя в роли волонтера. В группе практик политического участия лидирует электоральная активность населения. Практически каждый второй участник нашего исследования (52%), участвующий в общественно-политической жизни региона, в прошлом году предпочел выразить свою гражданскую позицию через участие в выборах. Вертикальное участие через подачу обращений в органы власти и управления и подписание петиций выбрали для себя

13% респондентов. Для каждого десятого опрошенного (10%) с опытом общественно-политической активности характерно участие в деятельности ТСЖ, КТОС и других формах самоорганизации населения. Несмотря на распространенное мнение в Сети о либерально настроенном населении Свердловской области, из тех, кто принимал какое-либо участие в мероприятиях общественно-политической направленности в прошлом году, только 5% респондентов проявили себя в протестной активности.

Табл. 1. Тип мероприятий общественно-политической сферы, в которых участвовали жители Свердловской области в прошлом году, % от ответивших
Table 1. Type of socio-political events in which respondents participated the previous year, % of respondents

Мероприятие	%	Рейтинг
Выборы	52	1,0
Коллективное благоустройство, субботники	30	2,0
Сбор пожертвований, средств, вещей	28	3,0
Волонтерство	18	4,0
Подписание обращений, петиций в органы власти	13	5,0
Работа ТСЖ, домового комитета (КТОС), совета дома, совета самоуправления	10	6,0
Деятельность профсоюзных организаций	7	7,0
Проведение избирательной кампании	6	8,5
Деятельность общественных организаций	6	8,5
Митинги, демонстрации	4	9,0
Деятельность политических партий	3	10,5
Деятельность религиозных организаций	3	10,5
Забастовки	1	11,0
Всего	181^a	

^a Сумма > 100, т. к. респондентам был доступен выбор нескольких вариантов ответа.

^a The total is more than 100% because respondents had multiple choices available to them.

С целью оценки степени формализации общественно-политической активности уральцев респондентам был задан вопрос: «Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации?». Практически каждый четвертый опрошенный житель Свердловской области (23%) поддерживает деятельность какой-либо общественной организации, расположенной в границах региона (табл. 2).

Среди участников опроса, проживающих в Екатеринбурге, практически каждый седьмой (14%) является членом различных общественных организаций, в то время как среди респондентов — жителей других населенных пунктов Среднего Урала членство в организациях общественного сектора отмечает практически каждый четвертый (27%).

Обнаруженные различия оказались статистически значимыми (коэффициент Крамера — 0,147, p-value — 0,000).

Табл. 2. Членство жителей Свердловской области в общественных организациях, %
Table 2. Participation of the Sverdlovsk Region citizens in public organizations, %

	Екатеринбург		Другие населенные пункты Свердловской области		Всего	
	N	%	N	%	N	%
Являюсь членом общественной организации	32	14	113	27	145	23
Не являюсь членом общественной организации	190	86	300	73	490	77
Всего	222^a	100	413^a	100	635^a	100

^a Сумма > 100, т. к. респондентам был доступен выбор нескольких вариантов ответа.

^a The total is more than 100% because respondents had multiple choices available to them.

Тех, кто уже является членом общественной организации, мы спросили о направлении деятельности этого объединения (табл. 3).

Табл. 3. Вид общественных организаций, членами которых являются жители Свердловской области, % от ответивших

Table 3. Type of public organizations in which respondents participate, % of respondents

Вид общественной организации	Екатеринбург	Другие населенные пункты Свердловской области	Всего
Профсоюз	53	63	60
Политическая партия	16	24	22
Общественная организация	25	19	20
Культурное общество, движение, фан-клуб	22	18	18
Религиозная организация	3	8	7
Всего	119^a	132^a	127^a

^a Сумма > 100, т. к. респондентам был доступен выбор нескольких вариантов ответа.

^a The total is more than 100% because respondents had multiple choices available to them.

С точки зрения содержательной организации общественно-политической активности большинство участников нашего исследования, являющиеся членами каких-либо общественных организаций, входят в состав профсоюза по месту учебы или работы (60%). Еще 22% уральцев, ответивших положительно на предыдущий вопрос о поддержке

деятельности объединений общественно-политической сферы, связаны с работой политических партий, каждый пятый (20%) — с работой общественной организации.

Для того чтобы выявить препятствия для вовлечения жителей региона в общественно-политическую повестку, был задан следующий вопрос: «Какие препятствия Вы считаете главными для общественной активности и проявления людьми своей гражданской позиции?». На вопрос ответили 91% респондентов (табл. 4).

Табл. 4. Препятствия общественно-политической активности в оценках жителей Свердловской области, % от ответивших

Table 4. The obstacles to social and political activity as assessed by respondents, % of respondents

Препятствие	%	Рейтинг
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	51	1
Привычка надеяться на других, в т. ч. на власть	50	2
Недостаток времени, чрезмерная занятость	48	3
Безразличие к общим делам, индивидуализм	47	4
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	41	5
Недостаток знаний, некомпетентность	34	6
Отсутствие способности к организации	25	7
Опасения негативной реакции со стороны окружающих	21	8
Всего	317^a	

^a Сумма > 100, т. к. респондентам был доступен выбор нескольких вариантов ответа.

^a The total is more than 100% because respondents had multiple choices available to them.

В среднем каждый ответивший на данный вопрос выделил 3 барьера общественной активности. Половина участников анкетирования (50%) отметила привычку надеяться на других, включая органы власти и управления, что соответствует результатам актуальных общероссийских социологических исследований¹. Практически каждый второй указал на нехватку свободного времени для гражданского участия (48%) и индивидуализм (47%). В топ препятствий общественно-политической деятельности попала и боязнь наказаний и преследований со стороны начальства или уполномоченных структур. Такой вариант ответа выбрали 41% ответивших. Отсутствие у населения способности к организации и опасение негативной реакций окружающих респондентами в целом отмечались реже (25 и 21% соответственно). Статистически значимые отличия были обнаружены относительно боязни наказания и политического преследования в разрезе возрастных групп (табл. 5).

¹ Помощь обездоленным: ожидание и реальность // ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pomoshch-obezdolennym-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 20.10.2024).

Табл. 5. Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов как препятствие для общественно-политической активности, %

Table 5. Fear of punishment, persecution by superiors, authorities, law enforcement agencies as an obstacle to social and political activity, %

Возрастная категория респондентов	Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов		Всего
	Да	Нет	
18–34 года	55	45	100
35–54 года	34	66	100
55 лет и старше	29	71	100

Исследование позволило определить, что населению Среднего Урала в возрасте от 55 лет и старше в меньшей степени свойственна боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов как препятствие для общественно-политической активности, чем представителям других возрастных групп. Среди молодежи подобные опасения существуют у 55% опрошенных, среди граждан в возрасте от 35 до 54 лет — у 34%, в то время как среди жителей региона от 55 лет — только у 29% (коэффициент Крамера — 0,157, p-value — 0,000).

Заключение

Результаты проведенного исследования отразили уровень стабильной вовлеченности большей части населения Свердловской области в общественно-политическую жизнь региона. Практически каждый второй уралец, принявший участие в нашем опросе, вовлечен в выборы (52%), занимается добровольчеством и благотворительностью (46%). Практически каждый третий житель Среднего Урала участвует в улучшении среды своего проживания (30%) и поддерживает деятельность какого-либо общественного объединения (38%). Данные официальной статистики, имеющиеся в распоряжении Департамента внутренней политики Свердловской области, характеризуют институциональную и инфраструктурную состоятельность анализируемого региона для участия его жителей в общественной и политической сферах жизнедеятельности общества.

Включенность в общественные организации, участие в работе организованных сообществ более характерны для жителей малых территорий, где отмечаются более тесные социальные связи. Изучение предшествующих исследований по соответствующей тематике дает нам основание для выдвижения тезиса о том, что чем теснее социальные связи, тем выше доверие в обществе к институтам общественно-политического сектора. Таким образом, там, где не сформированы тесные связи, острым является вопрос институционального доверия. В этом отношении опыт благотворительных организаций, в т. ч. волонтерских и добровольческих объединений, с большой открытостью всех управленческих процессов, демонстрирует, что сама открытость является стимулом для развития организации и наращивания ее ресурсно-человеческого потенциала.

По результатам нашего исследования структура вовлеченности населения в общественно-политическую организационную инфраструктуру региональной столицы и других населенных пунктов Свердловской области несколько отличаются. Жители Екатеринбурга практически в 2 раза реже выбирают для себя участие в деятельности общественных организаций как форму своей общественно-политической активности по сравнению с жителями других муниципальных образований. Однако вне зависимости от типа населенного пункта более привлекательными для всех респондентов являются именно профсоюзные организации, которые помогают защищать права и отстаивать интересы участников нашего исследования во взаимоотношении с работодателями и управленческими структурами по месту учебы.

Выявленные барьеры общественного участия можно условно разделить на три группы: проблемное взаимодействие жителей с органами местного самоуправления, бездействие и безразличие населения, чрезмерная занятость активных граждан. Как показал наш анкетный опрос, чем моложе население, тем выше барьер недоверия к чиновникам на местах. В связи с этим для преодоления угроз в рамках первой категории барьеров имеет смысл предусмотреть более простой доступ населения к участию в диалоге между представителями гражданского общества и власти, наличие форм малой активности для вовлечения на первом этапе, наличие инфраструктуры такого доступа, которая была бы заметная в повседневной жизни (например, QR-код или точка сбора помощи в близлежащем магазине). С целью нивелирования последствий двух других групп препятствий возможно упрощение существующих форм участия (например, популяризация участия «с дивана» посредством ДЭГ и ФКГС).

Ограничения нашего исследования связаны с тем, что авторы изучают общественно-политическую активность населения только одного региона России. Тем не менее анализ результатов других российских исследований приводит нас к пониманию того, что характеристики, виды и барьеры участия жителей в общественно-политических практиках могут быть показательными для многих субъектов нашей страны. В то же время для развития идей в русле выдвинутой нами тематики видится перспективным более глубокое изучение взаимосвязи вовлеченности граждан в общественно значимую повестку с социальным самочувствием, институциональным доверием и отношением к региону как к месту своего проживания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алмонд Г., Верба С. 2014. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль. 362 с.
- Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. 2021. Гражданская активность и участие молодежи в социально-политических процессах // Вопросы управления. № 6 (73). С. 67–80. <https://www.elibrary.ru/fzggqdf>
- Гордеева И. В. 2023. Территориальное общественное самоуправление в России как национальная модель общественного участия в осуществлении публично-властных полномочий // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 2 (34). С. 83–108. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-83-108>

- Дидковская Я. В., Трынов Д. В., Масоров С. Д. 2022. Проблема конструктивности политического участия молодежи в современных российских условиях // Вопросы управления. № 6 (79). С. 22–34. <https://www.elibrary.ru/sevswy>
- Лапин Н. И. (ред.). 2009. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М.: Academia. 807 с.
- Никовская А. И., Якимец В. Н. 2024. Муниципальная публичная политика в контексте реформы местного самоуправления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Том 20. № 1. С. 4–22.
- Нотман О. В. 2022. Социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров // Вопросы управления. № 2 (75). С. 61–75. <https://www.elibrary.ru/ubnqww>
- Парма Р. В. 2022. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. Том 13. № 2. С. 31–47. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.788>
- Певная М. В., Тарасова А. Н., Телепаева Д. Ф., Протасов Д. С. 2024. Трансформирующая агентность учащейся молодежи как ресурс формирования гражданственности в сфере образования // Образование и наука. Том 26. № 4. С. 169–200.
- Певная М. В., Шуклина Е. А., Асоян Л. А. 2020. Социальное участие студентов России и Армении: институциональный контекст и нереализованный потенциал некоммерческого сектора в социокультурном развитии региональных городов // Журнал исследований социальной политики. Том 18. № 3. С. 445–460. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-445-460>
- Петухов В. В. 2020. Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. Том 8. № 4 (32). С. 25–43. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7654>
- Скалабан И. А. 2011. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 1 (13). С. 130–139.
- Уханова Ю. В. 2021. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. Том 25. № 1. С. 88–107. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.5>
- Akaeda N. 2023. The welfare state and the roles of social capital in subjective well-being: The crowding-out and crowding-in arguments revisited // Journal of Social Policy. <https://doi.org/10.1017/S0047279423000223>
- Barber B. 1995. Participatory Democracy // The Encyclopedia of Democracy. New York. Vol. 3. Pp. 921–924.
- Cooper L., Bryer T., Meek J. 2006. Citizen-Centered Collaborative Public Management // Public Administration Review. Special Issue: Collaborative Public Management. No. 66. Pp. 76–88. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2006.00668.x>
- Cornwall A. 2008. Unpacking 'Participation': models, meanings and practices // Community Development Journal. No. 43 (3). Pp. 269–283. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsn010>
- Joshi A., Moore M. 2004. Institutionalized co-production: unorthodox public service delivery in challenging environments // The Journal of Development Studies. No. 40 (4). Pp. 31–49. <https://doi.org/10.1080/00220380410001673184>

- Kwan J. Y. 2022. 'Democracy and active citizenship are not just about the elections': Youth civic and political participation during and beyond Singapore's nine-day pandemic election (GE2020) // *Young*, No. 3 (30). Pp. 247–264. <https://doi.org/10.1177/11033088211059595>
- Verba S., Nie N. H. 1987. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. Chicago: University of Chicago Press. 428 pp.

References

- Almond, G. & Verb, S. (2014). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Мysl' [In Russian]
- Vasileva, E. I., Zerchaninova, T. E. & Nikitina, A. S. (2021). Civic engagement and youth participation in socio-political processes. *Management Issues*, (6), 67—80. <https://www.elibrary.ru/fzgqdf> [In Russian]
- Gordeeva I. V. (2023). Territorial self-government in Russia as a national model of public participation in the exercise of public authority. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(2), 83–108. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-2-83-108> [In Russian]
- Didkovskaya, Ya V., Trynov, D. V. & Masorov, S. D. (2022). The problem of constructiveness of the youth political participation in the modern Russian conditions. *Management Issues*, (6), 22—34. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-6-22-34> [In Russian]
- Lapin N. I. (Ed.). (2009). *Regions in Russia: Socio-cultural Portraits of Regions in the All-Russian Context*. Academia. [In Russian]
- Nikovskaya, L. I. & Yakimets, V. V. (2024). Municipal public policy in the context of local government reform. *Political Expertise: POLITEX*, 20(1), 4–22. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.101> [In Russian]
- Notman, O. V. (2022). Social technology of developing microlocal modes of municipal government subjects and urban stakeholders interaction. *Management Issues*, 2, 61–75. <https://www.elibrary.ru/ubnqww> [In Russian]
- Parma, R. V. (2022). Civil activity of generations in modern Russian society. *Vestnik instituta sotziologii*, 13(2), 31–47. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.788> [In Russian]
- Pevnaya, M. V., Tarasova, A. N., Telepaeva, D. F., & Protasov, D. S. (2024). Transformative agency of students as a resource to form civic consciousness in education system. *The Education and Science Journal*, 26(4), 169–200. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-4-169-200> [In Russian]
- Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Asoyan L. A. (2020). Social participation of Russian and Armenian students: the institutional context and unrealised potential of the third sector in the socio-cultural development of regional cities. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(3), 445–460. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-445-460> [In Russian]
- Petukhov, V. V. (2020). Ideological and Political Preferences of the Russians: Changing of the Discourse. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 8(4), 25–43. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7654> [In Russian]
- Skalaban, I. A. (2011). Social, public and civic participation: towards the problem of understanding concepts. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (1), 130–139. [In Russian]

- Ukhanova, Yu. V. (2021). Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions). *Problems of Territory Development*, 25(1), 88–107. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.5> [In Russian]
- Akaeda, N. (2023). The welfare state and the roles of social capital in subjective well-being: the crowding-out and crowding-in arguments revisited. *Journal of Social Policy*. Retrieved Oct. 20, 2024, from <https://doi.org/10.1017/S0047279423000223>
- Barber, B. (1995). Participatory Democracy. In S. M. Lipset (Ed.), *The Encyclopedia of Democracy* (Vol. 3, pp. 921–924). Routledge.
- Cooper, L., Bryer, T., Meek, J. (2006). Citizen-centered collaborative public management. *Public Administration Review. Special Issue: Collaborative Public Management*, (66), 76–88. <https://doi.org/10.1111/J.1540-6210.2006.00668.X>
- Cornwall, A. (2008). Unpacking ‘Participation’: models, meanings and practices. *Community Development Journal*, (43), 269–283. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsn010>
- Joshi, A. & Moore, M. (2004). Institutionalized co-production: unorthodox public service delivery in challenging environments. *The Journal of Development Studies*, (40), 31–49. <https://doi.org/10.1080/00220380410001673184>
- Kwan, J. Y. (2022). ‘Democracy and active citizenship are not just about the elections’: youth civic and political participation during and beyond Singapore’s nine-day pandemic election (GE2020). *Young*, (3), 247–264. <https://doi.org/10.1177/11033088211059595>
- Verba, S. & Nie, N. H. (1987). *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. University of Chicago Press.

Информация об авторах

Дарья Вячеславовна Минченко, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
d.v.minchenko@urfu.ru

Наталья Николаевна Гурченко, директор Департамента внутренней политики Свердловской области, Екатеринбург, Россия
dvp@egov66.ru

Information about the authors

Daria V. Minchenko, Assistant, Sociology and Public Administration Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
d.v.minchenko@urfu.ru

Natalia N. Gurchenok, Director of the Department of Internal Policy of the Sverdlovsk Region (Departament vnutrenney politiki Sverdlovskoy oblasti), Yekaterinburg, Russia
dvp@egov66.ru